

*Рыбкина Галина Николаевна***ЭПИЗОДЫ ВОЕННОГО ДЕТСТВА****«Думы о выживании»**

Я провела свое детство в нормальных условиях военного времени: не испытала ни бомбежек, ни стрельбы, ни оккупации, ни бегства куда-то от войны. Ни нищеты, ни голода я не ощущала. В этом, конечно, заслуга моей мамы: она сама шила мне одежду и кормила тем, что давал рынок (тогда говорили «базар») и что выдавали по карточкам. Все, что было, я спокойно воспринимала как должное в тех условиях.

Но однажды я с тревогой подумала о том, как мы будем жить. Мне было четыре с половиной года, я сидела на кровати, закутанная в полотенце после мытья в тазу. Мама с соседкой разговаривали о только что введенной карточной системе, о том, что все будет продаваться по карточкам. А я, зная, что у нас очень мало фотокарточек (!), думала невеселую думу: как жить будем на наши карточки? Это был 1941 год.

«Детский сад»

Немного помню из этого периода, отдельные эпизоды (видимо, важные для меня тогда, раз они запомнились на всю жизнь).

Музыкальные занятия у нас вела Ольга Павловна Лобанова. Самих занятий не помню, но Ольга Павловна осталась в памяти как что-то светлое. Что мы пели, я не помню, но ее игру на аккордеоне помню, а также наши выступления перед ранеными в госпитале.

Кормили нас, я думаю, неплохо, ибо ни чувства голода, ни ощущения невкусной еды не было. Но до сих пор помню незабываемый вкус хлеба с ломтиком омлета, которым нас, нескольких девочек, наградили за помощь на кухне – мы помогли чистить картошку. Омлет я люблю до сих пор.

В садик я ходила одна (да тогда мало кого провожали, да и провожали ли?), а оттуда, как правило, шла к маме на работу. Мама работала бухгалтером в Бежецкторге, и год делился на квартальные, полугодовые и годовые отчеты, во время которых бухгалтерия работала если и не ночами, то допоздна. Я там тихонечко спала, а потом у мамы на руках «ехала» домой.

Запомнился плачевный эпизод самостоятельного хождения в садик. Путь мой лежал от Красноармейской улицы по переулку Урицкого (ныне Воздвиженский), мимо церкви и пруда, у которого паслись гуси. На мне было коричневое плюшевое пальтишко и такая же шапочка с красным бантом. Видимо, этот бантик и спровоцировал одного гуся, и он, шипя и агрессивно вытянув шею, пошел на меня. Я испугалась и повернула назад, но он не отступил. Я побежала, он за мной, догнал и, прыгнув мне на спину, стал долбить клювом по голове. И так он ехал на мне, пока я с ревом не добежала до улицы, где были люди и избавили меня от этого ездока. Вся в слезах и грязи я прибежала домой. Мама еще не успела уйти на работу, она умыла меня, кое-как почистила одежду (другого надеть было нечего) и проводила до садика.

Из своего детсадовского детства я хорошо запомнила урок честности, который преподала мне мама. Я как-то сказала, что у одной девочки в садике такое платье! у другой – такие туфли! У третьей мне еще что-то понравилось. Мама мне на это сказала: «Галя, если ты хочешь, у тебя будет много чего хорошего, у меня есть для этого возможности, но в один прекрасный день я окажусь в тюрьме». Вопрос был закрыт. Навсегда.

«Школа»

Проведя ниточку от урока честности, перейду к школе, куда я пошла в веревочных тапочках, связанных мамой. Другой обуви на почти теплый сентябрь не было. Но я пришла в школу с небольшим букетом цветов, которые нам разрешили нарвать в нашем садике.

Я пошла в 1 класс в 1944 году. Не очень много запомнилось из начальной школы, но хорошо помню первую учительницу – Антонину Васильевну Беневоленскую. Сейчас в память о ней ухаживаю за ее могилой.

Был ли в школе свет в войну или его периодически отключали, не знаю, но помню уроки при свечах. Помню, что на завтрак нам давали кусочек черного хлеба с сахарным песком, и это было вкусно (это и был весь завтрак!). Потом, уже после войны, появился буфет, и там продавали пончики. Это был пир!

«Дома и в гостях»

Дома тоже света не было: как-то пришел электрик и перекусил провод у самой лампочки.

Основным источником света была керосиновая лампа. Она была почти произведением искусства: темно-синего стекла на высокой ножке с круглым основанием и рифленой емкостью овальной формы для керосина. Так что отсутствие света мы пережили без проблем.

А вот отсутствие дров для печки заставило нас перебраться к маминной подруге. В их восьмиметровой комнате мы размещались впятером. Особых проблем я не помню, но вот сохнувшую на печке мамину плюшевую жакетку помню. Маму и ее коллег посылали после работы на овощехранилище грузить квашеную капусту, доставая ее из глубоких (туда опускали лестницу) и широких чанов. Поэтому все «грузчицы» были в капустном рассоле. А поскольку жакетка была одна, ее мама отмачивала в тазу, выжимала и укладывала на печку-лежанку сушиться. А утром ее надевала и шла

на работу. «Гостили» мы недолго. Как-то проблема с дровами была решена, и мы вернулись домой. Затопили печку, и, некоторое время спустя, все наши цветы на окнах упали: они оттаяли. Я-то не сразу поняла, что они замерзли: когда мы пришли, они стояли, как прежде. А у нас был цветущий олеандр!

Была у нас и печка-лежанка (изразцовая!), на которой мы вечерами сидели, и мама мне читала «Белеет парус одинокий». Откуда она брала силы на чтение!

Но на этой печке можно было только согреться, а готовили мы на примусе. Он стоял в коридоре, где и у остальных соседей что-то стояло: керогаз, керосинка.

Некоторое время у нас жили две женщины-военнослужащие. Им давали паек, и они с нами им делились. Помню конфеты из их пайка: круглые, как драже, большие, в коричневой глазури и внутри что-то вкусное.

Хорошо помню День Победы. Рано утром к нам пришла соседка и сказала, что война кончилась. Позднее я пошла к окну и увидела, как по нашей улице от Пушкинского переулка в сторону рынка шла группа детей (скорее маленький отряд) во главе с женщиной в красной косынке и с красным флагом. Я думаю, что они были из детского дома, который находился около церкви.

Кстати, церковь всегда была действующей, и меня в ней крестили сразу после войны. Низкий поклон бабушке а это!

«После войны»

Кроме радости от Победы, ничего в жизни не изменилось. Даже отмена карточек не очень изменила ее. Купить особенно было нечего. Помню, полки магазина на нашей улице были уставлены банками с крабами, но их не очень-то и брали. Как и в войну, вместо сахара чай пили с сахарной свеклой, а картошку «жарили» на воде, и там были поджаристые корочки.

Помню денежную реформу 1947 года. Деньги меняли 1 к 10. У нас с мамой проблем на эту тему не было: просто выдали очередную зарплату в новых деньгах. А обменивать было нечего.